

Свадьба

На мою, назначенную на воскресенье 2 июня 1957 году, свадьбу с сокурсницей Галей отец кроме наших друзей и родственников неожиданно наприглашал массу людей. Человек общительный, он не мог удержаться от того, чтобы в разговоре не сообщить: сын женится. После этого ничего не оставалось, как просить собеседника по русскому обычаю почтить торжество своим присутствием. Среди приглашенных оказались Булганин, Маленков, Кириченко, Каганович, Молотов. Затем отец позвал Жукова и Серова.

Мама молча подсчитывала все увеличивающееся количество гостей, прикидывала, как рассадить такую ораву. Торжество решили устроить на даче, там огромная столовая, но и она всех уже не вмещала. Дополнительные столы поставили на примыкавшей к столовой веранде.

Накануне свадьбы отец, вернувшись вечером домой, виновато сообщил, что он пригласил еще Туполева и Антонова.

— Я их сегодня принимал, разговорились, зашла речь о детях. Я и сказал, что сын женится. Пришлось пригласить... Неудобно... — немного по-детски, запинаясь, оправдывался он перед мамой. Она только обреченно вздохнула: куда приткнуть еще и этих, словно с неба свалившихся гостей? А отец, крикнув мне: «Пошли погуляем», от греха подальше отправился бродить по дорожкам парка. В начале июня вечерет поздно. Солнце еще только склонялось к горизонту. На даче не приходилось кружить вдоль забора, как в резиденции на Воробьевых горах, можно по широкой аллее уйти в лес.

В воскресенье утром мы, молодые, отправились в ЗАГС, а отец уехал открывать всесоюзную Выставку достижений народного хозяйства (ВДНХ). Официальные речи, разрезание ленточки назначили на полдень, отец же приехал на выставку к десяти утра, его интересовали экспонаты, те достижения, ради которых выставку и затевали. Вместе с ним туда приехали и все находящиеся в Москве члены Президиума ЦК. Последнее время на официальные мероприятия коллективное руководство ездило всем составом.

С утра небо хмурилось, временами дождило. Но какое это имело значение? К приезду отца набежала изрядная толпа. В ее сопровождении отец и все прибывшие руководители обошли павильоны России, Узбекистана, хлопковой, легкой промышленности, станкостроения. Выбор павильонов неслучаен, в центре внимания отца — товары народного потребления, в первую очередь производство одежды, а для этого необходимы и хлопок, и специализированные станки. Отец внимательно слушает пояснения, задает вопросы, порой каверзные. Остальные члены Президиума толпятся рядом и откровенно скучают.

Наконец после завершения осмотра все поднялись на мокрую от непрекращающегося дождя трибуну. Зазвучали речи, в заключение слово предоставили Хрущеву. Тут снова закапал дождь. Отец стоял с непокрытой головой, лысина блестела.

– Ну вот, и снова дождь пошел, – начал отец и заговорил дальше об ожидаемом урожае зерна, о картошке, виноградниках, молоке и мясе, о том, как нам догонять США. Закончил он словами о крепнущем содружестве социалистических стран.

Я недавно перечитал опубликованное в «Правде» выступление отца, рядовое, «проходное» выступление. Что еще можно ожидать от подобной речи на открытии чего-то либо?

Правда, в какой-то момент отец не удержался, заговорил о молодняке, о том, что более половины общего поголовья скота и птицы в стране содержится на индивидуальных подворьях, а 24 процента прироста производства продуктов питания за последние четыре года – главным образом их заслуга. После снижения в 1953 году налогов частники быстро нарастили производство, а доля колхозов с совхозами едва перешагнула трехпроцентную отметку. Говорил отец о том, что после прошлогодних указов, направленных против скармливания хлеба скоту в индивидуальных хозяйствах, проблема молодняка встала остро.

– Кормов не хватает, – продолжал отец, – вот частники и пустили телят под нож. В стране забили пять миллионов не доживших и до года бычков. (Телятина на рынках в 1957 году продавалась задешево.) Если бы этих телят дорастить, дать время бычкам превратиться в быков, то...

Однако все, как и прежде, упиралось в корма, а точнее в их отсутствие. Спасение ему виделось все в той же кукурузе.

Чем-то эти пассажи не понравились Молотову. Он слушает отца и вполголоса, не обращаясь ни к кому конкретно, ворчит: «Хрущев опять самовольничает, не представил текст выступления на утверждение Президиуму ЦК». Вячеслав Михайлович больше не в силах сдерживать свое раздражение отцом. Следуя логике Молотова, отец не имел права и шага ступить, не испросив на то разрешения Президиума.

Стоявший чуть позади отца, рядом с Молотовым, Каганович запомнил «неблагополучные» цифры, в недалеком будущем он попеняет ими отцу.

Митинг окончен. Когда отец сел в машину, на даче уже начали собираться гости.

Свадьба, как и полагается, прошла весело. Гости разделились на две компании – молодежь и стариков – и друг другу не мешали. Пили умеренно, отец не любил пьяных. Многое позабылось, вспоминаются только отдельные эпизоды.

Маленковы, немного запоздав, пришли запросто, по-соседски. Обычно приветливо улыбочивый, Георгий Максимилианович глядел сумрачно. И вот еще несообразность, отмеченная моей женой на следующий день, когда она рассматривала свадебные подарки. Одни были побогаче, другие – попроще, в зависимости от возможностей дарящего. Одни – казенные, другие – с душой, в зависимости от отношения к нам, молодоженам.

– А это что? – удивилась Галя.

Она держала в руках потрепанную замшевую дамскую сумочку темно-зеленого, его еще почему-то называют болотным, цвета. Я с трудом вспомнил, что мне ее сунула в руки Валерия Алексеевна, жена Маленкова. Они тогда, особенно не задерживаясь с поздравлениями, поспешили в столовую, к старикам. В сумочке оказался дешевый будильник со слоником, ими в то время были забиты все магазины. На вид тоже не новый, как будто походя взятый с тумбочки. Я бы не запомнил этого эпизода, подаркам я не придавал особого значения, а тем более не приценивался, что дороже, что дешевле. Меня удивило психологическое несоответствие дара сложившемуся в моем сознании образу этой семьи. Маленковы очень любили делать подарки, часто без всякого повода, и всегда старались выбрать что-либо особенное. Этим они отличались от большинства наших знакомых. Когда я поступил в институт, они меня одарили фаберовской готовальней в деревянной полированной коробке. Гляделась она настоящей драгоценностью, и за всю свою жизнь я не рискнул использовать ее по назначению. Совсем без повода я получил набор увеличительных стекол, тоже очень красивых. А сейчас...

Эта мысль промелькнула, а может быть, даже не промелькнула в тот день, так, задержалась в подсознании. Лишь после я понял, что для Маленкова в тот день все уже казалось решенным, фигуры на доске встали по-новому, отцу в предстоящей партии места не отводилось.

Смутно припоминается мне и размолвка за столом. К тому времени компания старших замкнулась в своих интересах, о молодых почти забыли. Я уже упоминал, что пьяных не было, но это не значит, что за столом не пили. Чуть подвыпил Булганин, его соратники только пригубливали, держались настороженно.

Отец пребывал в отличном праздничном настроении, шутил, задибался. Когда Булганин начал очередной тост, он отпустил беззлобную шутку. Булганин среагировал бурно, просто взорвался. Стал кричать, что не позволит затыкать ему рот, помыкать им, скоро все это кончится... Отец оправдывался, уговаривал своего друга: он и в мыслях не держал его обидеть. Неприятную вспышку погасили – чего не бывает на свадьбе...

Так в тот момент показалось мне, трения в Президиуме ЦК интересовали меня меньше всего. И вообще, все происходившее на даче виделось в самом что ни на есть розовом цвете. А вот со стороны произошедшее на свадьбе представлялось совсем иначе.

Вот что запомнилось сидевшему за столом неподалеку от отца Жукову: «Весной 1957 года сын Хрущева Сергей женился. По этому случаю на даче Хрущева была устроена свадьба. На свадьбе, как полагается, крепко выпили, а выпив, произносили речи. С речью выступил Хрущев. Говорил он, как всегда, хорошо. Рассказал о своей родословной. Тепло вспомнил свою маму, которая, по его словам, очень любила много говорить, а затем как-то вскользь уколол Булганина. В другое время Булганин промолчал бы, а тут он неузнаваемо вспорол и попросил Хрущева подбирать выражения.

Все мы поняли, что Булганин тоже озлоблен против Хрущева. Догадки подтвердились. Как только кончился обед, Молотов, Маленков, Каганович, Булганин демонстративно покинули свадьбу и уехали к Маленкову на дачу.

Хрущев понял, что отныне Булганин переметнулся в стан его противников, и он был явно озабочен.

После того как с дачи Хрущева демонстративно ушли Булганин, Маленков, Молотов и Каганович, ко мне подошел Кириченко и завел такой разговор: “Георгий Константинович! Ты понимаешь, куда дело клонится, а? Эта компания неслучайно демонстративно ушла со свадьбы. Я думаю, что нам нужно держать ухо востро, а в случае чего, надо ко всему быть готовым. Мы на тебя надеемся. Ты в армии пользуешься громадным авторитетом, одно твое слово, и армия сделает все, что нужно”.

Я видел, что Кириченко пьян, но сразу же насторожился.

– О чем ты, Алексей Илларионович, болтаешь? Я тебя не понимаю. Куда ты клонишь свою речь? Почему ты заговорил о моем авторитете в армии и о том, что стоит только мне сказать свое слово, и она сделает все, что нужно?

Кириченко в ответ:

– А ты что, не видишь, как злобно они сегодня разговаривали с Хрущевым. Булганин, Молотов, Каганович и Маленков решительные и озлобленные люди. Я думаю, что дело может дойти до серьезного.

Мне показалось, что Кириченко завел такой разговор не случайно, не от своего ума.

И это предположение тут же подтвердилось следующими его словами: “В случае чего – мы не дадим в обиду Никиту Сергеевича”».

К сожалению, Кириченко воспоминаний не оставил, и о его разговоре с Жуковым мы можем судить только с одной стороны. Я вообще запомнил Кириченко, а вот Жукова с Серовым запомнил хорошо. Они все время о чем-то шептались, а как только закончились официальные тосты и немного распогодилось, вышли в сад и долго вместе гуляли. Можно

ли это связать с последующими событиями – не знаю. Возможно, до того им просто не представлялось случая побеседовать в спокойной обстановке.

О чем вечером в воскресенье совещалась уехавшая на дачу Маленкова четверка, я не знаю, да и никто не знает. Однако нетрудно предположить, что обсуждали они все ту же тему, как и когда избавиться от отца.

На следующее утро перед отъездом отца на работу я, как обычно, сопровождал его на прогулке по саду. Яркое солнце, зеленая трава, пение птиц – ничто не предвещало бури.